

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Д40

Luke Jennings

Die For Me

Печатается с разрешения PEW Literary Agency Limited
и литературного агентства Synopsis.

Дженнингс, Люк.

Д40 Убивая Еву: умри ради меня / Люк Дженнингс;
[перевод с английского Г.Л. Григорьева]. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 256 с. — (Kinostory).

ISBN 978-5-17-127163-3

Противостояние наемной убийцы Вилланель и агента службы безопасности Евы Поластри продолжается. Действие разворачивается на фоне Лондона и Санкт-Петербурга. В то время, как Вилланель возвращается на родину и встречается с демонами прошлого, Ева Поластри находится в бегах, скрываясь от «Двенадцати», секретной организации, жаждущей ее смерти. Разыгрывается последняя шахматная партия, поражение в которой будет стоить жизни.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-127163-3

© Luke Jennings, 2020.

© Г.Л. Григорьев, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

С наступлением темноты нарастает ледяной ветер. Он дует с юго-востока, со стороны Рижского залива, несется через Балтику и врзается в борт нашего корабля, заставляя контейнеры со стоном и скрипом натягивать найтовы. Чем ближе мы к России, тем ниже температура.

Контейнер, в котором мы с Вилланель сидим вот уже пятый день, отплыв от северо-восточного побережья Англии, — это ящик из гофрированной стали размером с тюремную камеру и высотой метра два с половиной или даже чуть больше, частично занятый тюками одежды. Он стоит среди нескольких таких же по правому борту. Внутри холодно, как в могиле. Мы сидим, словно две крысы, греемся друг о дружку, поклевываем тающий на глазах провиант — черствый хлеб, сыр и шоколад, попиваем воду, строго разделенную на порции, и мочимся в пластиковое ведро. У меня-то всю дорогу запор, а Вилланель опорожняется в пакеты из зоомагазина, которые она потом аккуратно завязывает и складывает в углу.

В стенке контейнера, что ближе к носовой части, есть аварийный люк сантиметров примерно тридцать

на тридцать, и он открывается изнутри. В него порой просачивается тоненький луч света и морозное дыхание соленого воздуха. Если забраться на тюки, можно наблюдать, как линия горизонта качается вверх-вниз, а носовая волна с ее гребнем — белым на фоне серого — вздымается и опускается, словно в замедленной съемке. Я стою и смотрю на это слезящимися глазами, пока лицо совсем не онемееет. Когда ветер стихнет, я выплесну в аварийный люк содержимое нашей пластиковой парашаи. И оно застынет ледяной коркой на стенке контейнера. Я спрашивала Вилланель, не хочет ли она отправить туда же свои пакеты с дерьмом, но она опасается, как бы пакет не шмякнулся на палубу.

Вилланель продумала все: одежда, термобелье, туалетная бумага, мыльно-рыльные принадлежности, тампоны, неопреновые перчатки, красные сигнальные фонари, боевой нож, пластиковые наручники, девятимиллиметровые патроны для ее «зига» и моего «глока», увесистая пачка потертых долларов. И никаких телефонов, лэптопов, кредиток, паспортов. Ничего, по чему нас можно отследить. Вилланель — единственный человек в мире, кто знает наверняка, что я жива, а сама она официально числится в мертвых. Ее могила на кладбище Индустриального района Перми, где на небольшой металлической табличке написано «Оксана Воронцова».

Два года назад я понятия не имела о существовании Вилланель — Оксаны Воронцовой.

Я руководила мелким отделом в Темз-хаусе, отвечавшим за внутренние связи МИ-5, и мои дела, в общем

и целом, шли неплохо. Работа была скучноватой — со своим магистерским дипломом по криминологии и судебной психологии я лелеяла надежды на нечто более увлекательное в стенах спецслужб. Светлая сторона моей жизни состояла из не особо впечатляющей, но стабильной зарплаты и мужа Нико, доброго и порядочного человека, которого я любила и с которым мы планировали завести детей. На свете есть вещи похуже рутинной работы, уговаривала я себя, а то, что каждую свободную минутку на службе я посвящала созданию досье по нераскрытым политическим убийствам, так это было моей личной инициативой. Просто чтобы не терять форму. Хобби, так сказать.

Эти неофициальные изыскания привели меня к уверенности, что некоторые из убийств совершила женщина, причем, скорее всего, — одна и та же. В обычных обстоятельствах я бы оставила свою теорию при себе. Официально я занималась в МИ-5 не расследованиями, а административной работой, и заведи я разговор на эту тему с руководством, в ответ получила бы поднятые брови и снисходительную улыбку. На меня бы посмотрели как на недотепу, потерявшую надежду на продвижение и задумавшую прыгнуть выше головы.

Когда в лондонской гостинице застрелили ультраправого русского политика Виктора Кедрина и его трех телохранителей, меня обвинили в том, что я не смогла обеспечить ему надлежащую охрану, и уволили.

Все, кто был в курсе дела, понимали, насколько это несправедливо. Как понимали и то, что, если департамент так грандиозно облажался (а убийство столь популярной фигуры — куда уж грандиознее), то нужно кого-то

назначить крайним. В идеале крайний должен занимать хоть какой-то пост, но не слишком высокий, а такой, чтобы его можно было без труда заменить. Кто-то, кем можно с легкостью пожертвовать. Кто-то вроде меня.

Вскоре после того, как я освободила свой рабочий стол и сдала пропуск в Темз-хаус, со мной тайно связался один из ветеранов МИ-6 по имени Ричард Эдвардс, который, в отличие от коллег с северного берега¹, с готовностью выслушал мои идеи. Я возглавила его неофициальную команду, чьей задачей было найти убийцу Кедрина. Теперь я гонялась за Вилланель по всему свету. Она оказалась неуловимым призраком — всегда на один шаг впереди. Мне оставалось лишь тащиться по ее кровавому следу. И невольно восхищаться ее зловецким артистизмом. Вилланель была дерзкой, свободной от страха или чувства вины, и ей, вероятно, немного наскучила легкость, с какой она уходила от преследования. Осознав, что я неотступно слеую за ней, она была польщена и отплатила мне той же монетой. Однажды ночью в Шанхае она залезла с улицы в мой номер и прихватила с собой трофей — мой браслет. Затем в качестве компенсации — и из чистейшей наглости — она среди бела дня проникла в мой лондонский дом и оставила там другой (и куда более дорогой) браслет, который специально для меня купила в Венеции. Эти вторжения были флиртом, но и внушали ужас. Они тихим шепотом напоминали, что она ко мне равнодушна, но может прикончить меня в любой момент, когда захочет.

¹ Штаб-квартиры МИ-5 и МИ-6 находятся соответственно на северном и южном берегах Темзы.

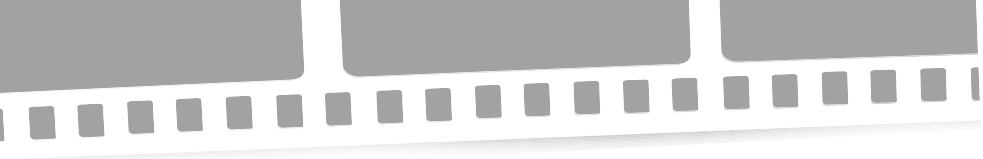
Я отказывалась признаться в этом даже самой себе, но ее извращенные ухаживания достигли своей цели. Одержимость начинается не сразу. Она подкрадывается к тебе, незаметно подползает, и вдруг — от нее уже никуда не деться. Впервые я увидела Вилланель случайно и опять же — в Шанхае. Я ехала на скутере, остановилась в пробке и заметила, как она шагает по тротуару мне навстречу — вся в черном, с зачесанными назад русыми волосами. Наши взгляды встретились, и я поняла — это она. Вилланель, когда захочет, умеет быть очень милой, но в тот вечер ее глаза были пустыми, как у змеи. Она утверждает, что тоже узнала меня, но я ей не верю. Она врет. А врет она, как дышит. В тот же вечер она заманила моего коллегу Саймона Мортимера в темный закоулок и зарубила его мясницким топориком. Жестокость убийства шокировала даже выдавших виды следователей из шанхайского убойного отдела, которые насмотрелись на своем веку расправ «Триады» и прочих ужасов.

Вторая наша встреча произошла в Англии на обочине шоссе — она была спланирована с леденящей кровью гениальностью. Я возвращалась в Лондон из хэмпширского допросного центра. Со мной в машине был Деннис Крэйдл, высокопоставленный офицер МИ-5, признавшийся мне тем утром, что получает деньги от «Двенадцати», организации, которая заказывает Вилланель убийства. Я пыталась убедить Крэйдла сдать информацию о «Двенадцати» в обмен на неприкосновенность, а он в ответ принялсЯ вербовать меня — офигенная, между прочим, наглость с его стороны, учитывая все обстоятельства.

Через двадцать минут после того, как мы выехали, нас остановила полицейская на мотоцикле. Конечно же это оказалась Вилланель, но я просекла слишком поздно. Она сказала, что скучает по мне. Коснулась моих волос, назвала мои глаза «милыми». В некотором роде все это было романтично. Они прокололи покрывки моей машины и умчались на мотоцикле, а я, несолоно хлебавши, осталась стоять на обочине. Крэйдл, вероятно, считал, что его спасают. На самом деле Вилланель отвезла его в глухое местечко неподалеку от Уэйбриджа, размозжила ему череп тупым предметом (полагаю, полицейским жезлом) и сбросила труп в речку Уэй.

Из Вилланель — та еще подружка, но я и не искала себе никаких «подружек» — ни в каком смысле. Я же была счастлива в браке с женщиной. И хотя секс с Нико не был чем-то из ряда вон выходящим: никаких тебе комет с пылающими хвостами или взрывающихся сверхновых, никаких вурдалачьих завываний — меня в нем все устраивало. Он был редкий человек, неподдельно добрый. Другие люди меня не замечали, а Нико меня любил. Хвалил мою безнадежную стряпню, находил очаровательной мою нелепую манеру одеваться, постоянно говорил мне, вопреки очевидному, какая я красивая. А я в ответ поступила с ним гнусно. Знала наверняка, какую боль ему причину, но все равно сделала это.

И все из-за Вилланель. Несмотря на весь зловещий ужас ее деяний, она внушала восхищение. Ее концентрация, ее педантичность, ее безжалостная ясность цели. Я шла по жизни, словно во сне, и вдруг появилась она, моя идеальная соперница.

Как потом выяснилось, Вилланель чувствовала то же самое. Работа на «Двенадцать» в качестве звезды-суперубийцы имела свои профессиональные и материальные выгоды, но она стала тосковать по возбуждению, которое уже не получала от рутинных политических убийств. У нее развился аппетит к опасности. Ей хотелось манить за собой дышащего ей в затылок охотника, который был бы достоин ее темперамента. Ей хотелось танцевать на лезвии бритвы. Она хотела меня.

Нико меня любил, и в его объятиях я всегда чувствовала себя в безопасности, но сатанинские игры Вилланель затягивали в бездну. Лишь после убийства Саймона я осознала весь безграничный диапазон ее психопатии. Я возненавидела ее, чего она на самом деле и добивалась. Она продемонстрировала мне себя с наилучшей стороны, чтобы посмотреть, не дам ли я задний ход. Но вместо этого я с удвоенной страстью продолжила преследование, что привело Вилланель в восторг — впрочем, она никогда не чувствовала особой разницы между ненавистью и желанием, между охотой и любовными ухаживаниями — и я, в конечном итоге — тоже.

Когда же я потеряла берега? Может, в Венеции, где, обнаружив, что Вилланель месяц назад побывала тут с другой женщиной, своей любовницей, я вдруг почувствовала укол ревности? Или, может, еще раньше, на обочине шоссе, после ее рассказа о той дождливой ночи в Шанхае, когда она проникла в мой гостиничный номер и разглядывала меня спящую? Но сейчас это уже не имеет значения. Важно только то, что, когда Вилланель позвала меня с собой, приказав бросить свою жизнь вместе со всем и всеми, что в ней были, я сделала это без колебаний.

К тому моменту я уже знала, что моя работа была ложью. Что с самого первого момента нашего знакомства с Ричардом Эдвардсом меня мастерски и коварно водили за нос. Когда Ричард попросил меня заняться Вилланель и «Двенадцатью», мне польстило, что он по достоинству оценил мои дедуктивные способности и интуицию. На самом же деле он все это время работал на «Двенадцать» и использовал меня, как канарейку в шахте, тестируя систему безопасности своей организации. Это была классическая операция под ложным прикрытием, и, проводя ее неофициально — по причинам, которые в то время казались мне вполне резонными, — он делал все, чтобы об этом ничего не пронюхали в МИ-6.

Я и сама начала подозревать, что меня используют, но именно Вилланель подтвердила мои подозрения. Она — психопатка и патологическая лгунья, но при этом — единственный человек, кто открыл мне глаза. Она хладнокровно показала, с какой легкостью мною манипулируют. Я чувствовала себя зрителем, наблюдающим, как демонтируют хитроумные сценические декорации, когда на их месте вдруг остаются только канаты, блоки и голые кирпичи задней стенки. Она рассказала, что ей назначили следующую цель, и что эта цель — я. Мне стало известно больше, чем предполагалось. Для «Двенадцати» я перестала быть простофилей и превратилась в проблему.

Наша встреча и последовавшие события — все это было обставлено в духе классической Вилланель. Я тогда только что вернулась из кошмарной поездки в Москву и, войдя в свою квартиру, обнаружила там

Вилланель в латексных перчатках — она сидела в ванне и мыла голову. Между кранами лежал девятимиллиметровый «зиг». Я была почти уверена, что она собирается меня застрелить. Когда спрашиваешь, сколько людей она убила, Вилланель скромничает. «Сколько надо», — говорит она, но по моим подсчетам, число ее жертв — девятнадцать или, может, двадцать.

Нам требовалось инсценировать мою смерть, а затем — исчезнуть.

Что мы и сделали, и вскоре уже мчались к северу на ее мотоцикле «Дукати» — я сидела сзади, крепко обхватив ее руками. На самом деле Вилланель не оставила мне никакого выбора, но в тот момент мне это было и не нужно. Я была готова, улетая прочь, сжечь все мосты.

С тех пор я часто думаю, что бы случилось, прими я другое решение. Если бы вымолила у Нико прощение, обратилась в полицию или пошла бы со своей историей к газетчикам. Осталась ли бы я в живых? Или все бы кончилось машиной с отказавшими тормозами, сердечным приступом по пути в магазин или смертью со всеми признаками самоубийства? Или «Двенадцать» решили бы, что я не стою смерти, и обставили бы дело так, чтобы меня сочли чокнутым конспирологом, очередным новобранцем в тоскливой, мутной армии людей, несущих легкий бред, — поверил бы мне хотя бы Нико? Или я до исхода дней ловила бы на себе его изучающий взгляд, болтая ни о чем за ужином или просиживая бесконечные вечера в бридж-клубе?

В линкольнширском порту Иммингем мы пробрались на борт. Это стоило нам мотоцикла и остатков моего самоуважения. Покупателем был палубный матрос,

сошедший на берег по моряцкой визе. Мы подцепили его неподалеку от терминала, в псевдоирландском пабе — настолько унылом, что это даже веселило. Уже битый час мы сидели там над парой кружек пива, и тут вошел он. Вилланель с первого взгляда опознала в нем русского, перескочила за его столик и принялась за работу. Его звали Игорь, а плыл он — как мы и надеялись — на «Кирово-Чепецке», контейнеровозе класса «Панамакс», направлявшемся в Петербург. Вилланель времени даром не теряла. Влив в Игоря три рюмки водки, она перешла к делу. Игорь, похоже, не был слишком удивлен.

Когда мы повели его показывать мотоцикл, на улице шел снег. Вилланель расстегнула непромокаемый чехол, и Игорь присвистнул. Даже я, которая в мотоцикле не отличит руль от колеса, видела, насколько прекрасен «Дукати», а мчаться на нем, сидя позади Вилланель, было поездкой мечты.

— Хочешь попробовать? — спросила Вилланель, выпустив изо рта облачко пара. Задумчиво поглаживая переключатели на руле и пепельно-серый бак, Игорь кивнул. Он перекинул ногу через седло, включил зажигание, почти беззвучно тронулся и объехал вокруг парковки, ловя светом передней фары порхающие снежинки. Слезая, он выглядел явно очарованным, и Вилланель на быстром и образном русском принялась ковать железо, пока горячо. В ответ он что-то промямлил, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

— Он проведет нас на борт завтра вечером, — сказала Вилланель. — Но мотоцикла будет недостаточно. Если его застукают, он получит срок.

— Чего он хочет?

— Он хочет посмотреть на твои... — Она кивнула на мою грудь.

— Мои... *Нет*. Еще чего!

— Всего один снимок, только для личных нужд. Он говорит, ты ему напоминаешь его тетю Галю.

— Ты, б..., издеваешься?

— Нет. Она — водитель трамвая в Смоленске. Покажи ты ему.

Я обвела взглядом парковку. Кроме нас троих там не было ни души. Я расстегнула молнию на своей кожаной куртке и задрала свитер, терможилет и лифчик. Черт, было нежарко.

Не спуская с меня глаз, Игорь пошарил в карманах своих спортивных штанов и вытащил телефон. Потом он не меньше минуты всячески приседал и наклонялся, пока не сделал наконец желанный снимок.

— Только чтобы там не было моего лица! — сказала я, дрожа. Снег залепил мне очки.

— На фига ему твое лицо? Нет, правда, он говорит, что у тебя очень красивая грудь. И я с ним согласна.

— Рада, что вы тут так замечательно проводите время. Но я сейчас себе сиськи отморожу буквально. Можно мне одеться?

— Угу, все в порядке. Он нам поможет.

— Когда этот контейнер погрузят на борт? — шепотом спросила я, пока мы вили себе гнездо среди тюков одежды.

— Водитель сказал, завтра. Скорее всего, где-то в районе полудня.